

Татьяна Комаровская

Белорусский государственный педагогический университет имени
Максима Танка, Беларусь

НРАВСТВЕННАЯ ПРОБЛЕМАТИКА РОМАНОВ ДЖЕЙН ГАМИЛЬТОН «КНИГА РУФИ»
И «КОГДА МАДЕЛАЙН БЫЛА МОЛОДА»

Джейн Гамильтон в настоящее время является, пожалуй, самой выдающейся наследницей пуританской традиции в американской литературе (наследницей Готорна, Генри Джеймса) с ее пристальным интересом к тайнам человеческой души и глубинным анализом нравственной проблематики. Что есть Добро и Зло, как закрадывается Зло в душу человека – вот основные вопросы, которые она разрабатывает в своей первой книге «The Book of Ruth» («Книга Руфи», 1988). Если первая книга посвящена исследованию пределов зла и его последствий, то вторая, «Когда Маделайн была молода», – пределов добра и его распространению на жизни и души людей. В третьей книге, «Карта мира», более изощренно исследуются проблемы вины, прощения, искупления. Основной тезис писательницы во всех трех книгах – преодоление одиночества, свойственного человеческой природе, но вредного для нее. Первая и третья книги могут быть отнесены к феминистской литературе, но разрабатываемая автором проблематика гораздо шире и имеет глубокую психологическую подоплеку, не разрешимую в узких рамках методологии феминистской критики.

Имя героини первой книги – Ruth Gray – передает различные стороны ее личности: ruth – исполненный сострадания, сочувствующий; gray – серый. Ее имя подтверждает себя только в ее отношении к мужу, а вот фамилия очень точна: она ни белая (безгрешная), ни черная (носительница зла), в ней смешано и то, и другое. И еще окружение воспринимает ее как «серую» личность, т.е. не ярко выраженную. Ее сострадание направлено на людей, этого не заслуживающих. В детстве, на уроке истории, она заявила: У Гитлера тоже были хорошие стороны, только никто не обращает на них внимания [Hamilton, 1988, 6].

Писательница ювелирно точно прослеживает формирование характера и личности своей героини. Первопричину ее психических проблем она видит в матери. Мэй, мать Руфи, была женщиной несчастной. Ее детство пришлось на 20-е годы, она была старшей дочерью в бедной фермерской семье, и с детства родители превратили ее в прислугу всей семьи. Родительского внимания и любви ей с детства доставалось меньше, чем другим детям, и она ожесточилась и озлобилась против всех. В 21 год ей улыбнулось счастье: она встретила и полюбила хорошего парня, вышла за него замуж и была очень счастлива – но очень недолго. В 1941 году, когда США вступили в войну, его забрали в армию, и вскоре он погиб. Она не верила в его смерть, много лет ждала его. Когда Мэй было 35 лет, к ней посватался состо-

ятельный фермер Элмер Грей. Она вышла за него, чтобы уйти из родительского дома и еще потому, что у него было большое хозяйство. В 38 лет она родила дочь Руфь, через два года – сына Мэта. Мать, как вспоминает Руфь, была к ней холодна, своего мужа изводила попреками, если он позволял себе небольшой отдых днем. Элмер был единственным человеком, который иногда хвалил Руфь, и девочка была к нему привязана. Когда ей было 10 лет, отец оставил семью.

Руфь была ребенком своеобразным. От отца она переняла талант фермера; ей было свойственно образное мышление, а не логическое, даже слова она воспринимала прежде всего как графические образы, по облику их написания. Отсюда – ее отставание в школе. Никто из учителей не удосужился проявить к ней индивидуальный подход, ее стали считать заторможенной, отстающей в умственном развитии. Дети были жестоки к ней, она стала жертвой класса, особенно после того, как отец их бросил и ей пришлось носить обноски других детей, которые мать подбирала в Армии Спасения, а одноклассницы узнавали в них свои старые наряды. Она действительно часто совершала необъяснимо-глупые поступки, так, например, приготовила запеченный лук из луковиц тюльпанов. Мать тоже считала ее заторможенной, несуразной неумехой, и она, при отсутствии моральной поддержки, ожесточилась против всех, более всего ненавидя собственного брата, который был очень способным к наукам и которого обожала мать. Будучи старше и сильнее, она беспощадно била его в детстве. Отсюда ее отношение к изгоям общества, к Гитлеру, например. Защищая их, она, таким образом, защищала себя.

Из-за особенностей своего мировосприятия (превалирование образного восприятия мира вследствие задержки развития абстрактного мышления) Руфь была изначально склонна к литературе и литературному творчеству. Согласно Дж. Вико, «невольная» образность и метафоричность делали древнего человека поэтом. «Он мог воспринимать мир только в образах» (Козлов, 2009, 37.) Руфь тоже была таким «изначальным поэтом», о чем свидетельствует поэтичность ее восприятия мира, ее огромный интерес к книгам, которые она воспринимала на слух, слушая записи книг Диккенса, Д. Остин вместе с миссис Финч, слепой соседкой, за которой она присматривала. Но о ее талантах никто не знал. Руфь очень отзывчива на доброту и привязывается к людям, которые проявляют к ней участие: школьной учительнице миссис Пин, миссис Финч, тете Сид, доброму гению ее жизни. По отношению к матери, которая вечно винила всех в трудностях и тяготах своей жизни, у нее формируется комплекс вины: я подвожу ее каждый день (Hamilton, 1988, 162). Руфь тяжело реагирует на постоянные унижения социального и личностного плана. У нее вырабатывается очень низкая самооценка: юная девушка не может себе представить, что кто-то может обратить на нее внимание, что она может кому-то понравиться.

После окончания школы она работает вместе с матерью в

химчистке, и через пару лет, в течение которых она чувствует, что жизнь проходит мимо, мчится по шоссе, в то время когда она сидит в химчистке, происходит неизбежное – она влюбляется в первого встречного, с которым ее познакомил ее единственная, непутевая подруга.

Ее избранник Руби – тоже аутсайдер, как и она, но покруче. С детства психически неуравновешенный, агрессивный, не желающий работать (т.е. выполнять то, что от него требуется условиями работы и людьми, которые следят за соблюдением этих правил) и, возможно, не могущий работать, потому что он не мог запомнить последовательность простых действий (т.е. человек с признаками олигофрении, незрелая личность – чуть что, он плакал или напускал в штаны, плакал при мысли о смерти и ее неотвратимости), – таков избранник Руфи, которого она полюбила всем сердцем и который ухватился за нее вследствие своей полной личностной и материальной несостоятельности. К моменту их знакомства он уже состоял на учете в полиции, был без работы, привлекался за нападение на своих бывших хозяев, которые выгнали его с работы за безобразные действия и за лень. Лентяй, человек без чувства ответственности, без чувства времени. Руби был к тому же пьяницей и наркоманом. Мать Руфи была права, говоря о том, что он «без гая в голове». Естественно, что этот брак не мог не закончиться катастрофой. Через четыре года психически неустойчивый Руби в порыве ярости от постоянных, но справедливых упрёков Мэй зверски убивает ее и пытается расправиться и с Руфью, но ей удается вырваться и вызвать полицию.

Интересно отметить, как влюбленная в Диккенса героиня (и стоящая за ней писательница) тонко воссоздает стиль Диккенса, его творческую манеру в описании Руби. Например, описывая своего мужа, все его «особенности», т.е. пороки, и говоря о его любви к птицам, о том, что он был добр и к ней, героиня говорит о людях, бывших нанимателях, которых он старался избегать, и в манере Диккенса со скрытым юмором замечает: *"I guess there were individuals who didn't care to discover his good points"*. [Hamilton, 1,1988, 153]. О нанимателе Руби, когда он звонил по телефону в ярости от того, что последний не явился на утреннюю дойку, Руфь говорит: *«He didn't understand that Ruby was without the sense of time. Ruby loves to nap for one thing, but he also doesn't go by the earth's rhythm, sleeping by night and getting up with the morning. And it's no deep secret that he drinks more than he should. I wanted to quiet Mr. Buddles down so I could explain my husband, but he always threatened Ruby before he offered him one last chance.* [Hamilton, 1,1988, 151].

В манере Диккенса Джейн Гамильтон отмачает какую-либо одну черту, характеризующую персонаж, и постоянно упоминает о ней как о его опознавательном знаке: огромные, изуродованные работой руки Мэй, взывающие к чувству вины ее дочери; Элмер, большой и молчаливый, как тень; слишком широко расставленные глаза Руби (признак ненормальности, психической

неполноценности); постоянные плачи-истерии героини, свидетельствующие о ее личностной несостоятельности.

Основной аргумент героини в ее книге-исповеди – Я думаю, что ни один человек не является воплощением зла, хотя в каждом есть низость, зло. Иногда люди выбирают одного человека в толпе и обвиняют его во всех грехах. Это улучшает их самочувствие – показывать пальцами на одного абсолютно порочного человека, на которого можно списать все проступки (Hamilton, 1988, 6).

Персонажи романа явственно подразделены на обвинителей и обвиняемых. Персонажи романа явственно подразделены на обвинителей и обвиняемых. Руфь полностью на стороне обвиняемых: себя и Руби и против обвинителей: Мэй, школьных учителей, детей в школе. Но ее справедливая защита своих прав незаметно превращается в ненависть к другой стороне. Она в своей позиции – типичный люмпен, ненавидящий тех, кто способнее, удачливее ее, лучше устроен в социальном плане. Отсюда – ее ненависть к брату, который так огарен.

Интересное развитие получает тема взаимоотношений матери и дочери в романе – его основная тема. Поражает отстраненное отношение Руфи к матери: словно она ее никогда не любила; она никогда не принимала Мэй как свою мать (ее вопросы по поводу того, как это случилось, что она появилась у Мэй). Мэй действительно виновата в том, что не была ласкова с дочерью, что открыто предпочитала ей младшего сына, что, вследствие собственной ограниченности, не могла разобраться в ее проблемах и не пыталась помочь ей. До большой степени по ее вине у Руфи развился столь сильный комплекс неполноценности и низкая самооценка. Но странно и другое: вроде бы взыскующая справедливости девушка не видит, не хочет признавать очевидного: как трудно было матери одной поднять ее и сына (ведь она не превратила, при всех трудностях жизни, свою дочь в работницу фермы, как поступили родители с ней), она дала ей возможность получить образование; она пустила неприемлемого для нее зятя, психически нестабильного, лентяя, неряху, в свой дом; она пыталась проявить свои чувства к дочери в решающие моменты ее жизни: дарит ей свою единственную драгоценность (брошь), когда та идет на конкурс по орфографии, пытается проявить свою любовь перед свадьбой дочери, она и погибает мученической смертью от рук зятя, защищая свою дочь. «Справедливая», взыскующая правды Руфь ничего этого не видит. Она ставит матери в вину даже ее трудолюбие, ее хозяйственность: ей ненавистен вид матери, которая лушит пять миллионов стручков гороха, чтобы их законсервировать. Семья постоянно балансирует на грани нищеты, а Руфь только и думает о том, как бы бросить работу, сидеть дома и рожать детей. Она делает вид, что не понимает, что она посадила на шею матери ненавидящего ее пьяницу и наркомана. Она по – животному счастлива своей любовью и тем, что наконец-то у нее есть муж. «Мне было все равно, работал Руби или нет. Я хотела, чтобы он наслаждался своей жизнью в браке, наслаждался тем, как

счастливы мы живем. До тех пор, пока мы сводили концы с концами, какое это имело значение? Мы жили в тепле и не были голодны. Я хотела, чтобы Руби был так счастлив, чтобы ему и в голову не могло прийти улизнуть как-нибудь после обеда». [Hamilton, 1, 1988, 152]. Руфь инфантильна и эгоистична. Порог личной ответственности у нее отсутствует, замещаясь чувством обиды на весь свет. Нельзя без содрогания читать последние страницы романа, когда Руфь говорит о том, что она обязана своему мужу тем, что он для нее сделал: убил ее мать. «Что я знаю, так это то, что Руби сделал это для меня... Я знаю, Руби сделал это для меня» [Hamilton, 1, 1988, 327].

Интересную эволюцию проходит образ героини-рассказчицы. В начале книги мы видим созревшую, умудренную жизненным опытом героиню, зрело рассуждающую о Зле, «Meanness» человеческой природы, говорящую о том, что ее угнетает чувство вины перед матерью; но по мере развертывания сюжета писательница воспроизводит жизнь рассказчицы и развитие ее души, ее интеллекта, воссоздает ее духовную жизнь, ее реакции в тот или иной период ее жизни, и делает это мастерски. Книга заканчивается тем, что Руфь пытается понять и произошедшую с ней трагедию, и себя самое, чтобы быть в состоянии правильно воспитать своих детей, освободившись от подавляющего влияния матери. Она надеется на то, что сумеет расправить крылья, уйти от любящей ее тети Сид и попробовать жить с детьми самостоятельно. И думает о том, что она напишет книгу о своей жизни в манере Диккенса. Читатель понимает, что героиня состоялась в конце концов как личность – он читает ее книгу – «Книгу Руфи».

«Книга Руфи» – роман воспитания. Пороки воспитания анализируются в романе на основе экспозиции трех личностей: Руфи, Руби и Мэта. Руфь, отсталая в развитии, как считают все, и блестящий Мэт с высокоразвитым интеллектом явно противопоставлены. Между тем в нравственном плане у них много общего. Оба они лишены родственных привязанностей, оба отвергают свою семью: мать, сестру/брата. Оба в этом отношении ущербны. Мэй отдала всю свою любовь Мэту, которые ее не ценил и не принял, дочь считала, что мать ее не любит. Отделившись от семьи, Мэт поменял одну букву в своей фамилии и стал Grey – отчетливая аллюзия на героя романа Уайльда. Благодаря этой аллюзии, он приобретает новые качества: он прекрасен снаружи, что и отмечено в романе, но пуст, холоден внутри, лишен корней и родственных привязанностей.

Итак, как сама Джейн Гамильтон отвечает на вопрос, поставленный ее героиней в первых же строчках книги? Откуда берется Зло в человеческом сердце, почему оно проникает туда? И где панацея от него? Ответ на этот вопрос содержится и в «Книге Руфи», но в еще большей степени – в романе «Когда Маделайн была молода». Руфь вспоминает единственный по-настоящему счастливый эпизод своего детства: ей – семь лет, семья в жаркий июльский день ест мороженое, отец, наполняя ее стакан, промахнулся, ложка мороженого упала ей на голову,

тает, и вся семья смеется, и она тоже, и все объединены одним счастливым чувством общности и любви друг к другу. Руфь говорит далее, что то, что она испытала один раз в детстве, она видела постоянно в других семьях: дети, бегущие к своим матерям после воскресной школы, матери, наклоняющиеся к своим детям, целующие их – любовь и взаимопонимание между ними. Роман «Когда Маделайн была молода» начинается с той же сцены: летний вечер, матери выходят на крыльцо и выкликают имена своих детей, зовя их домой. Роман о замечательной женщине, создавшей семью, в которой первая жена ее мужа – инвалид Маделайн, была окружена заботой и любовью, сделавшая все, чтобы вернуть Маделайн к более – менее нормальной жизни, начинается и завершается этой сценой, придающей особое значение всему роману и содержащей ответ на непосредственно заданный рассказчиком романа вопрос: где же истоки этой любви, этой преданности, которые он видит в своей семье? Истоки, по Джейн Гамильтон, в безграничной любви и взаимопонимании. Просто, как все гениальное.

Литература

1. Hamilton J. The Book of Ruth. – N. Y.: Doubleday, [1988].
2. Козлов А.С. Зарубежная литература и литературоведение. – Севастополь, 2009.